

Все согласно закивали, начали называть свой возраст и распределять места в казарме. Атмосфера мгновенно оживилась.

Ди Ло сидела на своей койке, чувствуя, как с плеч свалился тяжкий груз. Но стоило ей поднять голову, как она наткнулась на странный, сложный взгляд Жун Чаншэна. Сердце у неё пропустило удар — от одного вида этого свирепого лица её мгновенно прошиб холодный пот.

Она испугалась, что её разоблачили, и поспешно отвела глаза. Когда же она снова взглянула в ту сторону, Жун Чаншэн уже как ни в чём не бывало смеялся вместе с остальными ребятами.

Этот смех выглядел ещё пугающее.

Сердце Ди Ло колотилось как бешеное.

Пока она ломала голову, что мог значить тот взгляд Жун Чаншэна, на плацу снаружи поднялся шум. Смутно доносились крики: «Драка! Драка началась!»

Драка?

В голове Ди Ло тут же всплыло воспоминание о том, как она чуть не получила по лицу, когда в прошлый раз увязалась смотреть на потасовку. Наверное, это те же самые люди.

Ну, теперь-то будет на что посмотреть.

Она подпрыгнула на три фута вверх и помчалась на плац.

Кхе-кхе.

У неё была одна дурная привычка: она обожала совать нос во все дела, особенно если назревало что-то интересное. Это любопытство совершенно не вязалось с её вечно холодным выражением лица.

На плацу две группы людей сцепились не на жизнь, а на смерть.

Сначала всё выглядело пристойно: обмен ударами кулаков и пинками. Но чем дальше, тем яростнее становилась схватка. Правила забылись, никто уже не разбирал, кто есть кто: противники вцепились друг другу в волосы и не отпускали.

Царапались, кусались.

Ди Ло, потирая подбородок, нахмурилась: ну чисто базарные бабы, честное слово.

— Видишь что-нибудь интересное? — раздался голос прямо над ухом, отчего она вздрогнула.

Она резко обернулась. Ди Цзю, прижимая к груди охапку одежды, смотрел на неё сверху вниз и улыбался.

Ди Ло похлопала глазами и покачала головой.

Ди Цзю усмехнулся, зажал одежду под мышкой, слегка наклонился и, положив руку ей на плечо, осторожно указал на толпу зевак:

— Видишь? Вон там генерал Чжан, вон центурион, а вон генерал Чжэньбэй.

Ди Ло от удивления втянула воздух. Неужели такая мелкая стычка привлекла внимание стольких генералов?

Ди Цзю продолжил:

— После боя их всех ждёт порка.

Порка?

— В армии запрещены драки, а за пределами плаца — ещё и обнажение оружия. Нарушителям полагается двадцать ударов палками. Но это если попадешься на глаза. А если всё выглядит пристойно, то начальство предпочитает закрывать глаза.

Ди Ло впервые об этом слышала. Пристойно?

Значит ли это, что пока нет крови и никто не остался калекой, верхушка будет делать вид, что ничего не видела?

По выражению лица Ди Ло Ди Цзю понял, что она всё верно уловила.

Хотя ему не хотелось, чтобы Ди Ло видела изнанку жизни, но раз уж она попала в армию, впереди её ждёт ещё много неприглядного. Если предупредить сейчас, возможно, она избежит лишних неприятностей.

— В армии прав тот, у кого кулаки крепче. Позволяя им драться, начальство проверяет, есть ли среди новичков таланты, способные вырваться в лидеры там, где всё решает сила. Если не можешь победить в такой потасовке, на поле боя тебе делать нечего.

— Как же это жестоко, — вздохнула Ди Ло.

Таким, как они, без роду и племени, пробиться наверх крайне сложно. Чаще всего они погибают ещё в звании рядовых, не выдержав жестокости войны. Но если она сможет подняться достаточно высоко, то вокруг будет меньше людей, а значит, ей будет проще скрывать свой женский пол.

Поэтому, несмотря ни на что, она должна выстоять.

Ди Цзю тяжело вздохнул, глядя, как драка заканчивается и проигравших уводят на экзекуцию. Он ласково потрепал Ди Ло по макушке, наклонился к самому её лицу и, притворяясь грозным, прошептал:

— Теперь ты знаешь, как страшно в армии. Поздно жалеть. Помни: я тебе не помощник. Жива ты или мертва — мне дела нет, так что не вздумай кому-то говорить, что мы знакомы.

Ди Ло мельком взглянула на него. Кому ты нужен, чтобы о тебе рассказывать? Ты сам ко мне привязался, забыл?

— Ах ты, паршивец.

Ди Цзю по её взгляду каким-то образом понял, о чём она думает.

Он не удержался от смешка, напоследок взъерошил ей волосы, сунул в руки одежду и, выпрямившись, зашагал прочь.

Ди Ло побрела вслед за толпой, не спеша приглаживая волосы.

Ди Цзю, отойдя на приличное расстояние, обернулся и посмотрел на её чуть расслабленную фигуру. На душе было тревожно.

Этот ребёнок приглянулся ему с первого взгляда. И теперь, зная, что ей предстоит выйти на поле боя, он чувствовал, как сжимается сердце.

Но как бы он ни жалел её, она должна повзрослеть.

А жестокость — самый быстрый способ стать взрослым.

— Эй, Ди Цзю, это кто там был?

Его товарищ Сюй Юнсы, видя, как Ди Цзю провожает кого-то взглядом, хлопнул его по плечу и подмигнул:

— Давай-ка поостынь. Хоть этот новобранец и похож на девчонку, не стоит забивать себе голову, а то твоя зазноба в родной деревне прольёт немало слёз.

— Отвали, вечно ты несёшь чепуху.

Ди Цзю притворно рассердился, а потом вздохнул:

— Какая там зазнаба... Они небось уже и не помнят, кто я такой. Кто замуж вышла, кто детей нянчит. Один я, как перст, даже прислужницы нет.

Сюй Юнсы хитро прищурился:

— Ну так жизнь твоя совсем тосклива. Слушай, сегодня у нас перерыв, не хочешь сходить... — он выразительно повёл бровями.

Ди Цзю снова тяжело вздохнул:

— Если я пойду с тобой, боюсь, лишусь ноги.

Сюй Юнсы приподнял бровь:

— Какой именно?

Ди Цзю:

— ...Ты можешь хоть раз вести себя нормально?

Сюй Юнсы потёр нос, приняв вид человека, которого раскусили. Он хихикнул, а потом вдруг тяжело вздохнул, и в его голосе проскользнула нотка отчаяния:

— Ди Цзю, ты не понимаешь. Я ведь ещё не женат, не оставил наследников роду Сюй. Скоро война, мне страшно. Правда... просто хочется выплеснуть это.

— Чего бояться? Ты же самый сильный в нашем отряде. Почему тебе страшно?

— Не знаю. — Сюй Юнсы взъерошил волосы. Улыбка исчезла с его лица, сменившись затаённым ужасом и невыразимой тоской.

Не знает?

Ди Цзю нахмурился.

С тех пор как он вступил в армию, Цзиньцян устраивали лишь мелкие провокации на границе, и они ни разу не участвовали в настоящем сражении.

Предстоящая масштабная битва будет для него первой. Сказать, что не страшно — значит солгать.

Но он знал: хотя отец часто бросал его на поле боя, оставляя без присмотра на долгие годы, на самом деле рядом всегда были люди, готовые его защитить.

Они не вмешивались, пока жизни не угрожала смертельная опасность. Это означало, что он мог смело делать карьеру и набираться опыта — у него была надёжная опора.

А его товарищи — совсем другое дело.

Обычные парни из простых семей. У них есть только они сами.

Ди Цзю снова вздохнул. Война — это самое страшное испытание.

Он похлопал Сюй Юнсы по плечу:

— Пошли, потренируемся.

Сюй Юнсы поднял голову, выдавил из себя вымученную улыбку. А что ещё оставалось? Приходилось стиснуть зубы. Хотя внутри у него всё дрожало уже несколько дней.

Он боялся того дня, когда генерал прикажет взять оружие и идти убивать.

Он действительно был напуган.

Да, несмотря на то, что с детства учился боевым искусствам и был силён, он никогда по-настоящему не убивал и не участвовал в крупных сражениях.

Пусть говорят, что мужчина должен быть опорой и идти только вперёд.

Но мужчина — тоже человек.

И мужчине бывает страшно.

Ди Цзю поманил остальных, и те, кто был на временном плацу, отозвались. Подав знак, они двинулись к своим баракам.

Ди Цзю, глядя на их сальные ухмылки, закатил глаза.

Ну до чего же скучные люди!

Увидели, что он принёс кому-то новую одежду, и давай гадать кому.

Кому ещё? Неужели женщине?

В армии, по-вашему, это возможно?

— Ну что за любопытные создания! — проворчал Ди Цзю.

С тех пор как Ди Ло попала в лагерь, она поняла, что такое настоящее неудобство.

Она — девушка, и, конечно, хотела следить за собой.

Первым делом после тренировки ей хотелось принять душ.

Но это было невозможно.

В казарме одни мужчины, она не могла просто так раздеться и принимать ванну с лепестками цветов. Это было бы самоубийством.

А как не мыться?

Всё тело зудело, одежда от пота стала липкой, мокрой и вонючей.

Ей казалось, что под кожей копошатся тысячи муравьёв.

Чтобы хоть как-то облегчить свои страдания, она долго ломала голову и выяснила: мужчины после тренировок валились с ног от усталости, быстро ели и сразу засыпали.

Она же, борясь со сном, дожидалась, пока погаснут свечи, тайком доставала заранее припасённый таз с водой, с молниеносной скоростью приводила себя в порядок и переодевалась.

Хорошо хоть в лагере был строгий устав: после отбоя огни не зажигать. Нарушителям — смерть.

А как спать?

Она должна была контролировать каждое движение: не переворачиваться, не вытягивать ноги, скрестить руки на груди и лежать как бревно, не выходя за пределы своего крошечного пространства. А вокруг — оглушительный храп.

Она уже не раз видела кошмары.

Днём тяжело, а ночью — ещё тяжелее.

Она даже во сне напряжена. Если кто-то ночью вставал по нужде, она просыпалась от малейшего шороха.

Это было невыносимо.

Но самое страшное — это то, что мужчины здесь не стеснялись.

Раздевались и переодевались прямо при всех!

Ей приходилось видеть их во всей красе. А двое-трое вообще любили спать голышом!

Теперь стоило ей закрыть глаза, как перед взором возникали голые мужские зады, которые так и мелькали перед глазами.

Она краснела до корней волос и готова была рыдать.

Не смотри, не слушай, о боже, за что мне это!

О, и ещё туалеты — это отдельная тема.

Почему у мужчин такие странные привычки?

Любят соревноваться, кто быстрее, кто... э-э... длиннее. Стоят, глазеют друг на друга, а потом, не застегнув штаны, кричат ей что-то!

А однажды они устроили соревнование по дальности мочеиспускания!

Что тут скажешь — одни слёзы.

Она ведь женщина!

Она буквально жертвовала своей психикой, притворяясь слепой, чтобы в один прекрасный день не перерезать всех этих мужиков! Или не выколоть глаза себе!

Репутации у неё теперь никакой. Кто такую возьмёт!

Хорошо хоть она ещё мала, и никто не лез к ней с подобными «соревнованиями». Это спасло её от позора.

В туалет она бегала, как партизан, за тридевять земель, к общим нужникам на краю лагеря.

Большинство ленилось ходить так далеко и справляло нужду в укромных местах. Если застукают — жди нагоняя. Но солдаты быстро научились: выкопают ямку, сделают дело, присыплют землёй — и никто ничего не заметит.

Ди Ло пользовалась тем, что остальные ленились, и всегда уходила подальше. Поэтому никто до сих пор не раскрыл её секрет.

Разве что удивлялись: как это она ест, а в туалет не ходит?

Она тянула день за днём. Но что будет потом?

Это лишь малая часть её проблем.

Ди Ло тупо вгрызалась в сухую лепёшку, сжимая челюсти так, будто жевала чью-то плоть.

С момента прибытия в лагерь она тренировалась на пределе сил, надеясь проявить себя на армейских состязаниях в следующем месяце.

Если она провалится и её отправят в обоз, то всё было зря.

Зачем она здесь?

Чтобы подняться наверх, чтобы иметь право голоса, чтобы достичь центра власти. Только там она сможет сделать то, что задумала.

Раньше, прячась в глубине женских покоев, она была изнеженной девицей, которая боялась усталости, боли и трудностей. Терпения у неё не было вовсе.

Но в армии, чтобы закалить волю, она каждое утро, ещё до рассвета, пробегала пять кругов по огромному плацу.

В первый день она так устала, что её вырвало, но она не остановилась.

Стоило дать слабину один раз, и это повторилось бы снова.

По ночам ей снилось, как сводит судорогой ноги, как дрожат руки.

Просыпаясь, она обнаруживала, что подушка мокрая от пота.

Она смертельно уставала. Хотелось всё бросить.

Но наступало утро, и она заставляла себя встать.

Пусть ползком, но она должна была пробежать эти пять кругов.

А потом — тренировки: верховая езда, стрельба из лука, владение оружием.

Она доводила себя до состояния, когда тело казалось грудой разваливающихся костей, и только тогда возвращалась.

Женщины от природы слабее мужчин, и единственным способом восполнить этот недостаток было усердие.

Только работая до изнеможения, она могла надеяться на шанс в будущем.

И всё же, как бы тяжело ни было, она ждала состязаний, чтобы попасть в регулярную армию.

Ди Цзю говорил, что хотя поначалу жалование рядового ничтожно, на поле боя всё иначе: что добудешь, то твоё. Хоть кожаный доспех, хоть железный панцирь — всё достаётся победителю.

Ди Ло прищурилась и глубоко вздохнула.

Одной рукой она держала лепёшку, другой быстро разминала ноющие мышцы рук и ног.

Как же болит!

Она скривилась. Вокруг никого не было, можно было позволить себе расслабиться.

Зевнув, она почувствовала зуд на шее, провела рукой и поморщилась:

— Фу, вся в грязи.

Она чувствовала отвращение к самой себе. Раньше она часами нежилась в ванне, ежедневно. А теперь помыться — несбыточная мечта.

Иногда удавалось лишь кое-как протереться.

Она целыми днями валялась в пыли, вид её стал просто ужасным.

Ди Ло обречённо закрыла лицо руками:

— Терпи. Может, это даже к лучшему.

Все вокруг грязные, никто никого не упрекнёт. А если бы она каждый день ходила благоухающей — вот тогда бы точно случилось неладное.

— Ди Ло! Ди Ло, ты где? — вдалеке послышался голос Цянь У.

Он обыскал всё вокруг, но никак не мог найти её.

Цянь У приложил руки ко рту рупором:

— Где ты? Выходи скорее!

— Я здесь!

Ди Ло затолкала в рот остаток лепёшки, махнула рукой и показалась из-за стога сена.

Цянь У, увидев её, бросился к ней. Подбежав, он хлопнул её по плечу и прошептал:

— Чего ты тут спряталась? Тринадцатый брат и Чаншэн поссорились с кем-то!

— Поссорились? — Ди Ло удивлённо вытаращила глаза.

После того случая с дракой за место в казарме, когда всех наказали палками, никто больше не смел драться на глазах у генералов.

Тех парней тогда так отделали, что на следующий день они, едва передвигая кровавые зады, вынуждены были идти на тренировку. Одно воспоминание об этом заставляло зубы ныть. Палки были из твёрдого дерева, свистели в воздухе, а удары звучали как барабанная дробь.

После этого новички стали паиньками. Слушались генералов беспрекословно.

И вот, прошло всего несколько дней, а Жун Чаншэн и Чжао Шисань уже с кем-то сцепились? Из-за чего?

Цянь У схватил Ди Ло за руку и потащил на плац.

<http://bllate.org/book/20963/2127241>